

Цю Ибо наблюдал за быстро мобилизовавшимися людьми и тихо выдохнул. Похоже, запасной план сработал именно здесь.

Его начало раздражать. Нацеленные на него или на семью Цю действия он считал в пределах разумного – в конце концов, Цю Ланьхэ затронул интересы всех знатных семей. Но разве не перебор – снова и снова использовать оспу? Они вообще люди?

Смертность от оспы составляла около 30%. Если допустить массовое заражение, учитывая ограниченные возможности медицины того времени, «девять домов из десяти опустеют» – и это не шутка. А ведь это Яньцзин, где собрались высокопоставленные чиновники и знать. Разве у тех, кто стоит за этим, все члены семьи переболели оспой?

Может, ему стоит поблагодарить их за то, что они хотя бы не использовали чуму или Эболу?

Цю Ибо нервничал так, что хотел закурить. Он сделал глоток чая, чтобы успокоить нервы, и, сдерживая гнев, тихо сказал:

- Вэнь Жун, узнай, кто начал.

Тот сразу согласился. Это было несложно: у Чжана Шестого, старика Ван и старика Чжао оспа проявилась почти одновременно, с разницей в день-два. Значит, источник заражения у них был один.

Офицеры в зале суда, узнав новости, тут же заперли свои кабинеты, не осмеливаясь приближаться к Цю Ибо. Надзиратель по фамилии Чжао покачал головой:

- Молодому господину Цю явно не везёт. Опять оспа?

Другой добавил:

- Вот именно! Как он умудряется постоянно с ней сталкиваться? Во время шествия попал в эпицентр, а теперь вот снова...

Все переглянулись, понимая: молодой господин Цю, похоже, на кого-то нарвался. Или же пострадал из-за министра Цю.

- Вряд ли он сам виноват, – сказал судебный чиновник, держа чашку чая. – Возможно, это просто совпадение, болезнь пришла с реки Цяньхэ, а он оказался рядом.

- Господин Юй прав, – закивали остальные, понимая, что это предупреждение.

Чиновник вздохнул, глядя в окно на мелькающие тени:

- Похоже, в этом году всем нам стоит как следует помолиться в конце года и перешагнуть через жаровню.

Все молча согласились.

- Ваше Величество! Ваше Величество! Беда! – Евнух вбежал в павильон Цинфэн Шуюэ, где император играл в вэйци, прервав партию между правителем и Цю Ланьхэ.

Император Цзэ отложил фишку:

- Говори.

Евнух, кланяясь, быстро доложил:

- В Верховном суде обнаружена оспа! Главный судья уже приказал закрыть здание!

Пальцы Цю Ланьхэ, сжимавшие чёрную фишку, не разжались. Император бесстрастно взглянул на него:

- Пусть Медицинское управление отправит людей.

- Слушаюсь! - Евнух поспешно удалился.

Император усмехнулся:

- Министр Цю тоже может волноваться?

- Конечно, - Цю Ланьхэ наконец поставил фишку, и в мгновение ока баланс сил на доске изменился: чёрные взяли верх. - Из двух моих племянников один уже погиб на реке Вэй. Остался только этот - как мне не волноваться?

Император, не обращая внимания на его слова, улыбнулся и сделал ход, восстанавливая преимущество белых:

- Эти слова ранят сердце вашей семьи. Неужели вам не нравятся родные дети, а только побочная ветвь? Как же тогда быть с чувствами основной линии?

Поколение «И» было уже слишком давним, а следующее после Цю Ланьхэ поколение носило иероглиф «Ли». Поэтому Цю Ибо естественно считался представителем побочной ветви.

Цю Ланьхэ слегка пошевелил пальцами:

- Ваше Величество знает об этом?

- И да, и нет. - Император поднял глаза, в которых мелькнул холодный свет. - Это уже перебор.

Он усмехнулся:

- Ваш племянник и правда связан с оспой.

- Ммм. - Цю Ланьхэ поставил чёрную фишку, и в одно мгновение белые проиграли. Император цыкнул:

- Вот это действительно волнение. Даже потерпеть и подыграть мне не смогли.

Цю Ланьхэ отодвинул доску, сложил руки и поклонился:

- Ваш слуга откланивается.

- Идите. - Император рассеянно смотрел на доску. - Будьте осторожны. Вы же не болели оспой.

- Не беспокойтесь, Ваше Величество, - спокойно ответил Цю Ланьхэ. - Пока ваше великое дело не завершено, я не оставлю вас одного.

С этими словами он развернулся и ушёл.

Император смотрел ему вслед, пока тот не исчез из виду, затем тихо усмехнулся, и его взгляд вновь стал тёмным.

- Узнайте, кто это сделал.

- Слушаемся! - Две тени скользнули по потолочным балкам.

Император провёл пальцем по чёрной фишке. Ещё одна атака на Цю Ланьхэ.

Он не удивился, что кто-то ополчился против министра. Если бы Цю Ланьхэ не мог справиться с такими вещами, какое право он имел стоять рядом с императором? Но использовать подобные методы - это уже слишком.

Чжумин - его страна, народ - его народ. Если другие не жалеют людей, он пожалеет.

Цю Ланьхэ прибыл вместе с врачами, привезя с собой все необходимые лекарства. Десятки слуг тут же разожгли жаровни, поставили котлы и начали варить снадобья. Врачи и лекари, облачившись в защитные одежды, вошли внутрь, раздали профилактические отвары и велели людям разойтись.

Цю Ибо сразу заявил, что уже болел оспой, и после двух дней в изоляции его выпустили.

Увидев племянника, Цю Ланьхэ на мгновение подумал, что ослышался. Внешне Цю Ибо был спокоен, но в его глазах бушевала лава, готовая поглотить всё. Присмотревшись, министр не обнаружил и следа этого - только привычное равнодушие.

- Всё в порядке? - тихо спросил он.

- Всё хорошо, дядя Ланьхэ, - ответил Цю Ибо. - Поговорим дома.

- Хорошо.

Цю Ланьхэ сразу же увёз его. На самом деле, дело не стоило его личного присутствия - более того, как первому министру ему не следовало появляться в таком опасном месте. Он пришёл только потому, что там был Цю Ибо.

В карете Цю Ибо откинулся на спинку сиденья, закрыв глаза. Цю Ланьхэ смотрел на него:

- Если тебе надоело, дальше можешь не появляться. Я разберусь.

- Нет. - Цю Ибо не открывал глаз, его голос звучал слегка хрипло. - Дядя Ланьхэ, позволь мне заняться этим.

- О? - Цю Ланьхэ приподнял бровь. - Хорошо.

Цю Ибо действительно устал.

Ради этого испытания он терпел, вёл себя тише воды, ниже травы, но его всё равно задевали. И даже после всех его уступок испытание не сдвинулось с места.

Ладно, пусть. Он отказывается от этого испытания!

Надоело.

Какая разница, какие будут последствия или возможности? Он будет жить как обычный человек, попавший в прошлое. Если Небесам это не понравится, пусть поразит его молнией!

Может, он просто неудачник, чья жизнь – как вспышка метеора. Ну и что? Он обычный человек. Если доживёт до восьмидесяти – уже хорошо, до девяноста – отлично, до ста – просто сказка. У него уже есть больше, чем у большинства. Остановиться сейчас – не такая уж плохая идея.

Он устал. Очень устал.

Разве так можно жить?

Он безумно скучал по себе прежнему – тому, кто мог играть с комком грязи целыми днями, тому, кто ради коробки сладостей спускался с горы ночью, тому, кто торговал наборами для ухода за мечами и обдирал своих братьев по учёбе.

А не по этому себе – у которого есть всё, но всё кажется безвкусным.

Сдаться.

Эти слова крутились в голове Цю Ибо. Он моргнул и улыбнулся, почувствовав облегчение.

Совершенствование? Да пошло оно.

Он провёл пальцем по отполированному до зеркального блеска столу:

- Мянью Хэ.

- Господин. - Мянью Хэ подошёл и склонился. - Что прикажете?

- Подтолкни ситуацию. - Цю Ибо медленно моргнул. - Они хотят, чтобы я заболел оспой? Пусть будет так. Пусть говорят... что Цю Ибо – нисхождение звезды Суй, несущей смерть.

Мянью Хэ остолбенел:

- Господин, но...

- Нужно объяснить? - Цю Ибо подпер голову рукой. - Найми несколько лисиц, выпусти их в северной части города тёмной ночью. Наши люди пусть кричат что-то вроде: «Звезда Суй нисходит, мир ждёт беда». Положи древнюю яшму в рыбу, пусть рыбаки её выловят... Понял?

Вэнь Жун не выдержал:

- Господин, это слишком рискованно!

Цю Ибо хотел намертво привязать к себе имя звезды Суй!

Звезда Суй, или Тайсуй, считалась «небесным правителем года».

«Тайсуй – владыка года, предводитель всех божеств. Если Тайсуй над головой – жди беды. Если год неудачный – не избежать несчастья».

Хотя Тайсуй не был злым духом, он считался дурным предзнаменованием. Если человек сталкивался с неудачами, он нёс жертвы Тайсуй, носил обереги целый год, чтобы избежать

беды.

Не говоря уже о том, что это оскорбление богов, но если имя прилипнет к Цю Ибо, его могут просто... «отправить обратно».

Как? Сжечь заживо, чтобы «дух вернулся на небо».

Проще говоря, спалить дотла, а пепел развеять на высокой горе, чтобы «помочь» ему вознестись.

Разве они могли способствовать такому?

Цю Ибо снял головной убор, и его напряжённая кожа головы наконец расслабилась. Волосы рассыпались по плечам, подчёркивая острые черты лица и добавляя ему безопасности.

- Иди.

Мянь Хэ поклонился, но колебался:

- Господин, сообщить ли об этом господину министру?

- Можно.

- Слушаюсь.

Вэнь Жун хотел что-то сказать, но, видя твёрдое решение Цю Ибо, тоже откланялся. Выйдя, он в ярости догнал Мянь Хэ – они должны вместе поговорить с министром! Господин сводит себя в могилу!

Цю Ибо позвал охранника:

- Вернись в усадьбу, скажи Чжану Второму, чтобы он испытал это на нищих.

Охранник поклонился и ушёл.

Цю Ибо встал и медленно пошёл по длинному коридору. Сегодня он не хотел возвращаться в свои покои – ему хотелось развлечься.

Ладно, сегодня он устроит беспорядок в пруду с карпами, втором по любимости у Цю Ланьхэ!

Самый любимый пруд он уже тревожил в прошлый раз – если перестараться, рыбки могут умереть, а это уже некрасиво.

Слуги, проходя мимо, невольно задерживали на нём взгляд, но тут же опускали глаза. Цю Ибо не обращал на них внимания. Может, они никогда не видели, чтобы кто-то ходил с распущенными волосами... Ну и что? Он же не собирается совершенствоваться, почему бы не жить в своё удовольствие?

Ему действительно не нравились головные уборы, особенно светские. Они тянули кожу головы, а его густые волосы, засунутые под шапку, создавали парниковый эффект даже зимой.

Усадьба Цю Ланьхэ – его дом, и что такого в том, чтобы ходить с распущенными волосами? Он хотя бы не бегал в домашней одежде, учитывая нравы эпохи – не хотел, чтобы служанки сочли его похабником.

У кабинета Цю Ланьхэ он услышал, как Вэнь Жун и Мянью Хэ докладывают министру. Не обращая внимания, он сел у пруда и достал банку специального корма для рыб – с добавлением красных ростков, полезных для здоровья...

Когда Цю Ланьхэ, выслушав доклад, вышел поговорить с племянником, он увидел, что все его драгоценные карпы плавают кверху брюхом.

Цю Ибо сидел у пруда с глуповатой улыбкой и, увидев дядю, неловко засмеялся:

- Дядя Ланьхэ, у тебя такие... активные рыбки...

Настолько активные, что, когда пола его одежды задела банку с кормом, он не успел её поднять, как рыбы уже набросились... и объелись.

Ещё не умерли, но скоро.

Цю Ланьхэ: «...»

Цю Ибо: «...»

Цю Ибо рванул с места. Шутка ли – если он не сбежит сейчас, пока Цю Ланьхэ не очнулся, ему конец!

Через несколько дней поползли слухи. Новость об оспе в Верховном суде должна была оставаться секретной, но за два дня о ней знал уже весь город.

Заместитель министра финансов шёпотом докладывал начальнику:

- Господин, теперь говорят, что Цю Ибо – воплощение звезды Суй... Может, предупредить министра Цю?

Министр покачал головой:

- Не нужно. Он уже знает.

Разве Цю Ланьхэ мог не знать о таком?

Министру тоже было интересно: о чём думали эти люди? Два года назад Цю Ичун погиб на реке Вэй, и тогда в правительстве произошли изменения. Теперь они взялись за другого племянника Цю Ланьхэ. Хотя это обычная тактика, но он презирал её – в конце концов, нападать на начинающего чиновника просто недостойно.

Оспа, суеверия... Где же достоинство чиновника? Видно, книги мудрецов читали зря... Да и разве можно обсуждать такое в суде? Цю Ланьхэ мог отмахнуться фразой: «Мудрец не говорит о странном и сверхъестественном».

В зале прозвучал тяжёлый звон колокола, возвещающий о прибытии императора. Все склонили головы, сложив руки.

- Есть ли у кого доклады? – громко спросил церемониймейстер.

- У меня есть! – вышел вперёд цензор.

Увидев его, все внутренне застонали. Эти цензоры осмеливались критиковать даже

императора, и сегодня кто-то явно попал под раздачу.

Император жестом разрешил говорить.

Цензор сказал:

- Ваше Величество, в последние дни в Яньцзине появилась эпидемия. Это само по себе не удивительно, но прошлой ночью в управлении Интяньфу сообщили, что жители за городом слышали, как лисьи духи предрекали беду. А сегодня утром на рынке в северной части города в рыбе нашли древнюю яшму с надписью: «Небесный бессмертный играет, звезда Суй заменяет Вэньчана».

- Я хочу спросить министра Цю: знает ли он об этом?

Цю Ланьхэ вышел вперёд и поклонился:

- Ваш слуга не знает.

Цензор криво усмехнулся:

- Хорошо. Раз министр Цю не знает, тогда всё проще.

- Ваше Величество, я обвиняю судью Цю Ибо в распространении суеверий, обмане народа и недостойном поведении!

- «Канон божественных осей» гласит: «Тайсуй – образ правителя, ведущего божеств, управляющего временем». Звезда Суй – небесный владыка года, глава всех богов. Цю Ибо сравнивает себя с нисхождением Суй – это величайшее неуважение!

Воцарилась тишина. Заместитель министра финансов вышел вперёд:

- Ваше Величество, слова господина Гу несправедливы. Во-первых, это всего лишь слухи. Во-вторых, сравнение со звездой Суй – не добрый знак. И как можно обвинять чиновника на основании непонятно откуда взявшихся разговоров?

- Насколько мне известно, Цю Ибо с момента назначения работал усердно, без ошибок. Разве можно осуждать его из-за слухов? Это охладит пыл всех учёных!

Премьер-министр Ван поддержал:

- Я согласен.

Император кивнул:

- Гу Сяо, цензоры должны выявлять несправедливость... Твои сегодняшние слова разочаровали меня.

Цензор, не испугавшись, снова поклонился:

- Ваше Величество тоже считает эти слухи странными? Но у них есть основание!

- Цю Ибо действительно получил шесть первых мест на экзаменах, но усердный? Без ошибок? Нет!

- Ваше Величество, у меня есть ещё один доклад!

- Говори.

- Судья Цю Ибо убивал невинных, травил детей! Его брат пришёл в суд искать справедливости, но Цю Ибо подверг его пыткам и, пользуясь поддержкой министра Цю, заставил потерпевшего замолчать!

- В народе об этом все знают. В последние дни ещё несколько детей стали жертвами Цю Ибо! Люди, видя произвол, боятся жаловаться и вынуждены терпеть.

- Именно поэтому народ ропщет, и появились слухи, что Цю Ибо – воплощение звезды Суй, которую можно только «отправить», но не наказать.

- Я сам видел, как из задних ворот усадьбы Цю выбросили нескольких детей. Я не выдержал, вызвал врача, но у всех детей оказались признаки оспы!

Цензор с вызовом посмотрел на Цю Ланьхэ:

- Даже если министр Цю может скрыть правду, я не могу молчать. Доказательства есть – прошу Ваше Величество расследовать!

Цю Ланьхэ оставался невозмутимым:

- Происхождение оспы ещё не установлено. Разве справедливо обвинять Цю Ибо? Насколько мне известно, в усадьбе Цю никто не болел оспой.

Цензор усмехнулся:

- Есть или нет – проверим!

Воцарилась тишина. Император сказал:

- В таком случае, пусть премьер-министр Ван возглавит расследование...

- Ваше Величество, – перебил Цю Ланьхэ. – Раз господин Гу так уверен, пусть Цю Ибо явится сюда для очной ставки.

Цензор воскликнул:

- Я готов к очной ставке!

Премьер-министр Чжао возразил:

- Ваше Величество, это неразумно! Если Цю Ибо действительно играет с эпидемией, как можно допускать его сюда? Это угроза здоровью Вашего Величества!

Премьер-министр Ван сказал:

- Цю Ибо – первый в истории, сдавший все экзамены на «отлично». Если господин Гу уверен, Цю Ибо, конечно, заслуживает смерти. Но если это ошибка, его репутация будет разрушена.

- Кроме того, я помню, что Цю Ибо уже болел оспой. Если он омоется и переоденется, опасности нет.

Император поднял руку:

- Премьер-министр Ван прав. Пусть Цю Ибо явится.

Хотя сегодня было большое собрание, мелкие чиновники вроде Цю Ибо не имели права присутствовать. Но дворец был недалеко от суда, и вскоре Цю Ибо, окружённый стражами, уже ехал в карете во дворец.

Он ожидал, что его проведут в зал, но слуги отвели его в купальню и приказали омыться и переодеться.

Несколько пожилых служек пристально наблюдали за ним.

- Пожалуйста, омойтесь и переоденьтесь.

Их тон был вежливым, но твёрдым.

Цю Ибо кивнул. Вряд ли император вдруг решил, что Цю Ланьхэ слишком стар, и обратил внимание на него.

- Пожалуйста, выйдите.

- Позвольте нам помочь. - Две служки не двигались.

Цю Ибо подумал и согласился. За ширмой одна из служек, помогая ему снять одежду, шепнула:

- Вас вызвали из-за оспы и дела Лу Фэя. Будьте осторожны.

Цю Ибо взглянул на вторую служку, но та делала вид, что ничего не слышит.

Омовение прошло быстро, вода была слишком горячей, но Цю Ибо даже понравилось - в холодную погоду приятно понежиться в тепле.

После купания ему принесли новый чиновничий наряд, от нижнего белья до головного убора. Но его личные вещи исчезли.

- Господин Цю, не сердитесь. Всё вернётся к вам, когда вы покинете дворец.

Цю Ибо мягко улыбнулся:

- Мои личные вещи должны быть возвращены мне полностью.

Служка замялась:

- Господин, не усложняйте. Мы выполняем приказ.

- Разве Ваше Величество станет удерживать мои вещи? - вежливо сказал Цю Ибо. - И вам не стоит усложнять. Я ещё не женат, и если мои личные вещи пропадут, это повредит моей репутации.

Служка, предупредившая его о ситуации... Зачем ждать, пока он окажется во дворце? Ему уже всё рассказали по дороге. Были ли эти две служки друзьями или врагами - непонятно, но его вещи терять нельзя.

В эпоху, когда платок с именем мог погубить девушку, потеря его личных вещей означала бы беду.

- Господин, не усложняйте, - повторила служка.

Цю Ибо сел на стул:

- Без моих вещей я никуда не пойду. Даже если спросит сам Ваше Величество, я смогу объяснить.

<http://bllate.org/book/14686/1310456>